

СЛОВАРЬ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В СИТУАЦИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Проектная идея

С.А. СМЕРНОВ

Введение

Ситуацию, в которой находится современный человек, я называю культурной паузой, ситуацией двойного, после-после постмодерна. В этой ситуации философия пребывает в странном положении.

Онтологическая нежить (пустые концепты, не ловящие живую реальность, не репрезентирующие ее) и одновременно онтологическая тяга, которую испытывал когда-то О. Манделштам, заставляет нас вспоминать корневые смыслы и восстанавливать в принципе то, что считается остоном культуры и языка — их словарь, базовый алфавит.

1. Проектная идея словаря антропологии перехода

В философии, равно как и в литературе, укрепилось представление, согласно которому важно не столько решение проблем, сколько их постановка, их осознание. Главное — вопрошание. Главное — задавание вечных вопросов.

Попав в ситуацию онтологического кризиса, человек потерял способность отвечать на онтологические вызовы, т. е. потерял всякую ответственность за свое бытие.

Думаю, смысл онтологического кризиса в этом. И в этом заключается и ответ, т.е. переход.

Начало перехода

В.В. Бибихин в своей работе «Другое начало» приводит свой перевод отрывка из М. Хайдеггера: «Эти Beiträge (вклады, взносы, введения. — С. С.) являются спрашиванием на пути, который впервые только еще прокладывается через *переход* к другому началу, zum anderen Anfang, в которое вдвигается теперь (в философском *сдвиге*) западная мысль»¹. И добавляет другой отрывок: «Другое начало мысли названо так не потому что оно просто другого вида, чем любые иные прежние философии, но потому что ему *должно* быть уникально другим из-за его отнесенности к уникально единственному и первому началу»².

Если понимать смерть Бога не деструктивно, а позитивно, как вызов для возрождающего действия, то дело не совсем безнадежно.

В ситуации богооставленности нам ничего не остается, как новое другое начало. Мы оставлены в бытии. И в этой ситуации даже не немоты, а полного размазывания языка и не-языка, мы даже

молчать как следует не умеем, точнее, разучились, в этой ситуации мы и оставлены. Мы оставлены, чтобы снова начать. Человеку возвращено его одиночество, в котором собственно и рождается онтологическая свобода. «И другое начало возникает из новости моей нерушимой свободы... и это ничто моей оставленности — немислимый подарок, без усилий с моей стороны дарящий сейчас впервые свободу такого отношения к Богу и к бытию, которое полностью зависит от меня»³.

Мы должны снова начать. И это начало будет другим. Возвратиться к античному началу невозможно. Античность не знает тиражей. Новое другое начало — новая попытка стать в бытии, вернуть себе бытие, которое уже есть.

И бытие есть только в есть. Надо быть в есть. В прошлом его нет. В будущем тоже. Оно есть в «естине», в «есть»⁴.

Смысл перехода состоит не в том, что человек перехода переходит в иное время. Он есть то, что есть. Необходимость быть «в есть» как раз и предполагает, что только сейчас в ситуации полной онтологической оставленности, т. е. предоставленности человека себе самому он находится, как тот путник, которому предстоит сложный переход. И никто ему не поможет. И перед ним открыты равные исходы. И придется всем и каждому в отдельности выбирать свой исход.

Человеку придется вновь совершить главное усилие — помыслить этот онтологический переход, изменить свою мысль с самого начала. А значит переназвать мир, т. е. сменить в своем мышлении картинку мира.

Нужен новый словарь. Новый, но явный, открытый язык, который бы в себе удержал главные смыслы умного действия человека перехода. Не новые молитвы. Не новые дзенские коаны. И не культурные миксы православия и буддизма. Нужна новая карта этой территории перехода с новыми ориентирами, точками, реперами.

2. Картография перехода или антропоидный картоид

В предыдущих работах мы выразили идею формирования новой идентичности человека перехода и необходимость составления карты перехода⁵. Идея заключалась в том, что человек перехода должен научиться строить картоид, который отличается от карты тем, что картоид есть концепт, сидящий в мышлении того, кто эту карту составляет. Картоид — это выраженное в пространственных категориях представление о территории, некая географическая идея-конструкт.

Какую территорию замещает антропоидный картоид? Территорию перехода, точнее антропологического перехода, т. е. сдвига в способе бытия и мышления человека.

Но мы не знаем, куда мы идем. Чтобы знать территорию (если и не был на ней), нужно послать разведку. Или отправить самолет,

чтобы увидеть сверху территорию перехода. Подняться над горизонтом.

Таким образом, нужно подняться онтологически выше привычного горизонта жизни, чтобы увидеть, что впереди; нужно послать разведчиков, сталкеров, чтобы они проверили эту Зону перехода; и главное — нужно хотеть идти в разведку. Есть ли у нас желание раздвигать горизонт, подниматься над ним?

Здесь проблема. Что касается горизонта, то после смерти Бога, а ранее после ухода античного горизонта, что нам остается в качестве символического контекста, на фоне которого можно говорить о спасении и обетовании? Как бы мы ни вставляли на цыпочки, нашей сугубо и «слишком человеческой» силы не хватит, чтобы поднять тяжелую завесу онтологического горизонта.

Но мы еще слишком сыты и довольны этим горизонтом. Нет у нас витальной ситуации, чтобы пыжиться и поднимать горизонт и искать новых сталкеров. Еще не все съели, не все вырубили, не все пожгли. Пока онтологическая жажда нас не гложет. Онтологическая пустыня еще не наступила. Но инструмент перехода, антропоидный картоид, нужно готовить уже сейчас. Не успеем оглянуться... Тогда придется прибегать к метафорам. На что похож картоид? Каким он по идее должен быть?

Картоид — это: сконструированный способ переходного действия в зоне с непредсказуемым результатом, зоне риска; фактически оснастка, набор средств движения перехода; собственное культурное тело изменений с нанесенными на нем зарубками; визуализированный конструкт, концепт изменений, способ визуализации и выражения в пространственных категориях события перехода (горизонт, вертикаль, горизонталь, эгональ и т. д.).

Сталкер не знает карту Зоны перехода, а даже если и составит ее, то потом, придя туда, он увидит, что в Зоне все изменилось, и карта не работает. Она моментально устаревает. Картоид — это не карта Зоны. Это карта собственных поисковых шагов в Зоне.

3. Новый словарь

Теперь перейдем к наброскам нового словаря антропологии, отталкиваясь от категорий, которые употребляются авторами, находящимися в поиске новой антропологии. Эти авторы все предлагают некий переход к иной альтернативе, предлагают свои поисковые версии. Я попытаюсь отталкиваться от этих наработок, а не от классических работ по антропологии.

При этом я буду пытаться предлагать пары категорий: первая категория является той, от которой я отталкиваюсь, вторая — той, которую я предлагаю для словаря. Но работают эти категории вмес-

те. Вторая не может появиться без первой. А первая не может задать перспективу без второй.

(1) От Кризиса-суда — к Практикам работы с Будущим

Многие авторы пишут о том, что все обильные кризисы современности (экологический, демографический, экономический, цивилизационный) являются следствиями главного — антропологического кризиса.

Все правильно. Но констатация кризиса-суда означает разговор о человеке в залоге прошлого, это разбирательство с прошлым человека, с тем, что он натворил ранее. Если мне важен именно кризис, я оказываюсь в страхах и зажимах, в тупике, этическом и онтологическом, потому что прошлое мне не дает спасения.

Придется делать следующий шаг. Можно предложить практики работы с будущим, которые выводят меня в иное время. Точнее, я ставлю себя во всегда-настоящее, поскольку прошлого уже нет, оно — лишь в памяти, а будущего еще нет, оно — в предположениях. Есть лишь настоящее, то, в котором я пребываю. Но от полноты пребывания и зависит — я остаюсь в прошлом или есть (именно есть в живом умном действии) интенция, вектор движения в будущее, т. е. обретение реального, а не иллюзорного спасения. В этом смысле антропология перехода работает в залоге будущего.

Пафос и смысл практик работы с будущим заключается не в том, что это некая предметная работа. Предмета нет. Будущего как привычного предмета работы нет. Смысл заключается в снятии всех и всяческих проекций на мир и человека, которые собственно и привели человека к онтологическому кризису. Необходимо полное «обнуление» себя. И тогда будущее само откроется, явится.

Итак, первое. Что значит работать с будущим? Работать можно только с настоящим, чтобы быть готовым к будущему. А значит, вопрос стоит опять об оснащенности нас самих. Не работа с будущим, а работа с собственной оснащенностью, с собственной креативностью, мобильностью, мышлением. Быть способным включаться в новые ситуации, в которых ранее не был, и выходить из них с конструктивным наработанным опытом.

Второе. Работать с будущим — значит, раздвигать онтологический горизонт. Что такое онтологический горизонт? Это тот онтологический предел бытования человека, который устанавливается онтологической верстой, столбом, точкой зрения, позицией, которую устанавливает определенный философ (и его поколение) и его последователи. Но онтологические столбы не ставятся последовательно. Прогресса в истории культуры нет. Есть прецеденты вопрошания. Эти прецеденты как онтологические вехи ставятся лабиринто-

образно, и сферами, веером они раздвигают пространство, но не последовательно, матрешкой, а лабиринтообразно. На этот лабиринт надо смотреть в объемном изображении: эти сферы, как мыльные пузыри, раздуваются в разные стороны. А вектор, порождающий эти пузыри — онтологический вызов, вызов как раз онтологического характера, как смена базовой человеческой идентичности, предел, за которым — ничто.

Третье. Будущего как существования нет. Но есть прецедент порождения нового мира. И онтологический сдвиг происходит тогда, когда порождается новая онтологическая норма, задается новый онтологический предел, который просто ставится, как ставится веха, провозглашается самоопределение: теперь жить будем так!

Но такое возможно только тогда, когда заявитель этого самоопределения оснащен архитектурно. Не когнитивно, не в том смысле, что он знает, что впереди. Никто не знает. Нужна работа по архитектурной оснащенности человека перехода. Чтобы осуществить эту самую работу по выстраиванию лабиринта движения, человек должен быть оснащен конструктом — поэзой, поэмой. Он — поэт, фундирующий этот новый онтологический столб.

И мы тем самым переходим к следующей паре категорий.

(2) От поиска новой Природы и Первоосновы — к раздвиганию Горизонта

Вместо поиска новых сущностей и построений новых концептов о человеке, поиска первооснов, предлагается вопрошание и ответвление о горизонте. Это ответвление всякий раз открытое, чреватое опасностью, рискованное, и постоянный выход к новому горизонту. Но при этом мы привыкли иметь, именно иметь какую-то проекцию, колпак, нахлобучив который на себя, поставив как предел своему мышлению, мы начинаем проецировать все и вся под этот колпак.

Сократ в свое время освобождал своих собеседников от этого «колпака», за что и поплатился. Освобождая их от знаний, стремясь к незнанию, он задавал иной вектор видения. Но исторически победили софисты, стремящиеся к знанию и ставшие первыми просветителями. Эта победа привела к тому, что европейская интеллектуальная традиция пыталась всякий раз выстраивать концепты по поводу того, что укоренено, что есть природа человека.

Думаю, что разговор о природе человека (готовая она или меняется, осуществляется ли поиск новой природы, модификация человека и его природы, построение гуманологии или еще какой-нибудь киборгообразной версии) — это направление гуманитарной мысли и привело в тупик мировую антропологию. В тупик, поскольку все

равно авторы стремятся на чем-то остановиться, за что-то зацепиться, найти отдохновение на какой-то умственной точке. Вот тут человек заканчивается. И начинается «концептуальный тоталитаризм» очередной версии о человеке.

Думаю, отказ от обсуждения этого вопроса, допущение, что есть опыт постоянного открывания горизонта (хотя это тоже допущение), — оно является более плодотворным в ситуации фундаментального неблагополучия человека, т. е. онтологического кризиса. Более того, идея раздвигания горизонта в противоположность идее поиска природы человека задает позитивный вектор разговора о человеке, задает ему будущее, т. е. надежду на спасение.

В этой паре категорий векторы онтологически разные. При определении природы (старой или новой природы, ее модификации) антропология все равно начинает искать первооснову и тяготеет к низу, к тому, что лежит в основании. Да и современные дискуссии о новой природе и ее модификациях провоцируются прежде всего поисками в области медицины и биологии, имеющими дело с телесным субстратом человека⁶.

А при задавании второго вектора нас выносит наверх, заставляет смотреть выше сущего, приподнимать горизонт. И тем самым дает дополнительный онтологический ресурс. Мы, оставаясь теми же, тем не менее, имеем шанс на выход из тупика, потому что разговор об изменении природы человека не решает и даже не ставит проблемы о духовной вертикали, о культурной природе человека, его **культурном возрасте**.

Отказаться от своей человеческой, слишком человеческой природы, мы не сможем. Это все равно, что отказаться дышать, есть, пить, вообще желать. Но при этом другим своим началом, умственным взором мы можем задать себе иной вектор — в сторону раздвигания горизонта и выстраивания будущего. Наша природа, наша телесность (как бы она ни менялась!), останется с нами.

Проблема глубже — способен ли человек в настоящее время раздвигать свой онтологический горизонт? Хватит ли у него сил? И где их взять?⁷

Плодотворность понятия раздвигания горизонта заключается в том, что оно более адекватно подходит под проблематику антропологии перехода. Граница на карте разделяет наше и не наше, это и то, свое и иное, отделяет одну территорию от другой. Горизонт же не делит территорию. Он ее раздвигает, расширяет. В понятии горизонта сокрыты интуиции проекта человека перехода, человека пути, который постоянно живет в переходах.

Горизонт сочетает в себе и смыслы границы, и смыслы предела, и смыслы перехода. Это понятие содержит в себе ряд смыслов

и может трактоваться: как видимый и слышимый предел, до которого доходит голос здешнего бытия человека, голос его сущего; как **горизонталь** движения человеком по пространству пути (карте пути); как сопряжение горизонтали движения и **вертикали** духовных практик; как сочленение горизонтали и вертикали в реальном лабиринтообразном действии конкретного человека пути, которое образует **эгональ**, т.е. собственно линию движения путника к горизонту⁸. Это линия его следов на карте пути (рис. 1).

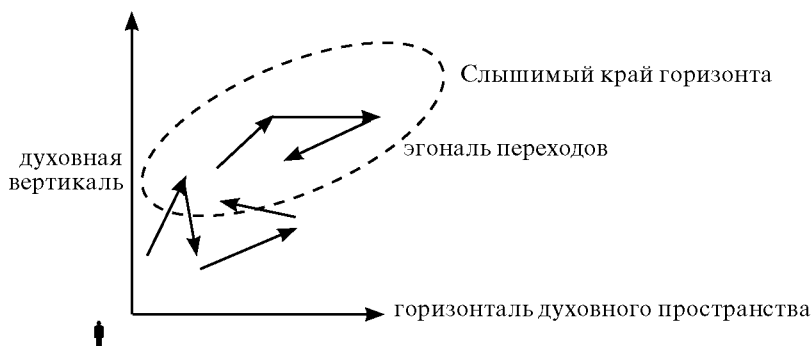

Рис. 1. Горизонталь, вертикаль, эгональ.

Горизонт по своему культурному этимону (от греч. ὁρίζων – хор, группа поющих вокруг жертвенника богу Дионису) – понятие символическое, место общения человека с Богом, до которого он пытается докричаться, достучаться. Тем самым горизонт очерчивает предел обитания человека, его круг, в котором он стоит и поет песню Богу, своему главному собеседнику, задающему ему онтологический предел, который никогда не достигается. И человек перехода становится человеком пути, идущим к горизонту, но никогда не достигающим. Горизонт всегда маячит перед ним.

Отсюда – переход к новой паре.

(3) От Границы – к Переходу

Собственно выход на границу, означающую предел свершений и становления, преодоление центризма, означает принципиально новое слово в философии XX в. Это был прорыв, начавшийся с антропологического поворота, который совершили М. Хайдеггер, З. Фрейд, М.М. Бахтин в первой трети XX в. Постмодерн уже пошел вслед за ними. А сами эти авторы выросли на плечах Ф. Ницше и С. Киркегора. И это уже целая духовная традиция.

Но что нам дает фиксация того, что бытие человека осуществляется на границе? Выводит ли нас этот тезис и выстраиваемые

на нем концепты и конструкты в иное бытие? Преодолеваем ли мы фундаментальное неблагополучие?

Граница предполагает знание как результат опыта, пусть и духовного. И само знание есть категория границы. Она всегда фиксируется. И от этой границы человек отталкивается и начинает совершать переход, прыжок, рывок.

Из состояния, которое очерчено, он совершает иное, непонятное, в принципе открытое и всегда рискованное предприятие перехода. Переход — это категория в залоге активном, действенном. Он относится к феноменам не состояния (стояния), а действия. Здесь нет фиксации иного и своего. Поскольку нет еще будущего и никогда его нет, а есть всегда — переход. И никто не знает будущего. Переход (если это переход, а не тиражирование вчерашнего опыта) совершается за пределами любого знания. Переход предполагает прыжок в иное качественное состояние, причем прыжок длительный, долгий, он не может совершиться в одночасье и вдруг. Нам придется жить в переходе, пребывать в нем. Поэтому в антропологии границы и в антропологии перехода обостряется и по-новому ставится проблема идентичности.

**(4) От поиска новой идентичности —
к отказу от проблемы идентичности в пользу
проблемы оснащенности**

В альтернативной стратегии духовных практик в рамках синергийной антропологии границы, которая разрабатывается С.С. Хоружим⁹, идентичность обретается, становится, строится. Человеку предлагается «модель энергийного обретения тринитарной идентичности»¹⁰. С.С. Хоружий предполагает, что западные поиски идентичности не увенчались успехом, потому что человеку предлагались эмпирические варианты идентификации, образцы, места, локусы из сущего наличного мира. Поэтому отыскать идеального носителя идентичности не удавалось. Его в эмпирическом мире просто не существует, он «существует лишь как мета-антропологический телос особой стратегии человека»¹¹.

В ситуации онтологического сдвига человеку перехода приходится заниматься не поисками идентичности, а выстраиванием своего нового культурного тела, тела личности, или нового **органо**на. И этот опыт он осуществляет в духовных культурных практиках — философских, религиозных и художественных, практиках **авто-поэзиса**¹².

Речь идет именно о том, что идентичность как проблема уже решается не по схемам нахождения готовых образцов, не по схемам сличения — на кого быть похожим, на кого мериться, с кого взять

мерку. С Бога ведь мерку взять нельзя. Божественный план задает безмерность, точнее, задает линию действия, стратегию на выстраивание по линии эгонали своего органаона, своего культурного тела, которое и может помочь человеку осуществить опыт спасения и выхода в иной горизонт.

А потому на первое место выходит не столько проблема идентичности (ее как готовой формы просто нет), а проблема оснастки человека перехода, проблема его готовности или неготовности совершить прыжок, акт перехода. Так, альпинист не думает о том, кто он, каков он. Он думает о том, сможет ли он покорить горную вершину, которую никогда не покорял. Для альпиниста всякий переход есть новое действие, предприятие рискованное, с непредсказуемым исходом. Альпинист не знает даже полной карты той горы, которую хочет покорить в силу именно непредсказуемости поведения горы (камнепады, обвалы, пропасти, бури и пр.). Поэтому ему важно составлять всякий раз уникальную карту перехода и оснащаться под этот конкретный переход. Важна его оснастка, его подготовленность, точнее, его готовность к новым ситуациям, т.е. не сама по себе оснастка, а владение им своей оснасткой. В нашем случае это означает душевную «оснащенность» человека, владение им духовными практиками, средствами движения по духовной эгонали.

(5) От карты-пути — к антропоидному картоиду

В ситуации перехода не поможет никакой проводник: человеку перехода приходится составлять не столько карту территории, сколько формировать антропоидный картоид, представляющий собой амальгаму культурного тела, в котором соединены новое обретенное тело личности человека перехода, выделяемое в актах перехода, и собственно сами акты этого перехода, наносимые на карту. Это продолжение культурного тела, **органона** человека перехода, как является продолжением (органопроекцией) тела телескоп или микроскоп.

В принципе всякое орудие есть удлинение нашего тела, его продолжение: «...в существе орудия лежит необходимость быть проекцией какого-либо органа»¹³. Только если телескоп — это увеличенный искусственный глаз человека, становящийся частью тела личности ученого, то антропоидный картоид есть органичная часть личности, выращенная им в актах-действиях перехода. От искусственного «органа» картоид отличается самой стратегией составления, выращивания. Если новый функциональный орган наращивается (при всех благих намерениях и оговорках) для усиления первого, смертного, слабого тела, то картоид, наоборот, выращивается для умирения

амбиций и желаний этого смертного тела, стремящегося компенсировать свою естественную ущербность и слабость.

В этом плане картоид — это такой бортовой журнал, в который записываются треки-следы актов, действий, как точки на новом теле, культурном теле, органоне¹⁴. На картоиде наносится татуировка лабиринта преобразования. Эти точки, в отличие от татуировки, не украшают тело и не устрашают врага. Эти точки — уколы на собственном теле, соединяя которые прорисовывается эгональ переходов.

В.В. Бибихин писал, что проблема точки — проблема не просто математическая. Точка «умственна». Это идеальная точка. Она дает представление о сосредоточенности человека, его собирании в целое и целостность. И собираясь в точку, меняемся мы в меру нашей собранности, а не мир. И только после этого собирания себя «сосредоточенная собранность неостановимо переходит в собирание всего... Только предельная собранность способна дать настоящую точку»¹⁵. Когда это собирание кончается — кончается история. Но это невозможно. «История как сосредоточенность момента не прекратилась и в принципе прекратиться не может, потому что собирание всегда открыто»¹⁶.

Таким образом, антропоидный картоид — это, с одной стороны, инструмент, с другой — орган, часть культурного тела, в котором видны следы становления этого тела. Это собственный конструкт человека перехода, главная часть его оснастки. В этом картоиде фиксируется сам механизм, алгоритм, по которому совершается переход.

Итак, выпишем все названные пары категорий единым списком, добавив к ним те, которые проясняли детали и становились частями словаря антропологии перехода: *От кризиса-суда — к Практикам работы с Будущим. От поиска новой Природы и Первоосновы — к раздвиганию Горизонта. От Границы — к Переходу. От поиска новой идентичности — к отказу от проблемы идентичности в пользу проблемы оснащенности. От карты-пути — к Антропоидному картоиду.*

Но практика перехода и раздвигания горизонта заставляет нас выстраивать новый словарь, на языке которого собственно и составляется антропоидный картоид. Появляется группа категорий, которую можно представить как ядро нового словаря антропологии перехода:

Горизонт. Вертикаль. Горизонталь. Эгональ. Органон личности (культурное тело). Философский атлетизм. Культурный возраст человека. Антропоидный картоид. Форсайт (практики работы с будущим).

Продолжением нашей работы будет проведение особого рода антропопрактикумов, в рамках которых опыт выстраивания эгонали и составления картоида мог бы быть осуществлен и описан.

А далее предстоит составлять полноценный словарь антропологии перехода, предполагающий введение всего культурного контекста и генеалогии выше означенных смысловых идей, которым еще предстоит стать культурными формами-категориями, выстраивающими собственно онтологию антропологии перехода.

Но это уже другой формат и задание на всю оставшуюся жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бибихин В.В. Другое начало. – СПб.: Наука, 2003. – С. 333.

² Там же. – С. 333 – 334.

³ Там же. – С. 339.

⁴ П.А. Флоренский, опираясь на В. Даля, на коренник русского языка, писал: «Все, что есть, то истина; не одно ль и то же есть и естина, истина?» (Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. В 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – С. 16). Истинно в этом плане не то, что постижимо для логического рационального познания, а нечто живое, дышащее, естественное, пребывающее в естестве.

⁵ См.: Смирнов С.А. Человек перехода. Сборник научных трудов. – Новосибирск, НГУЭУ, 2005; Смирнов С.А. Бытие в свободе или проблема культурной идентичности в ситуации онтологического перехода // Философские науки. 2004. №6.

⁶ См., например: Модификация человека. Круглый стол Института философии РАН и журнала «Человек» // Человек. 2006. №5; Юдин Б.Г. О человеке, его природе и его будущем // Человек. RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск. НГУЭУ. 2005.

⁷ Эти силы вырабатываются как у атлета, в постоянных тренировках, душевных упражнениях. Духовный и душевный, **философский атлетизм** являются вариантами таких духовных практик (см. о философском атлетизме в наших работах со ссылкой на А. Арто: Арто А. Театр и его Двойник. – СПб.: Симпозиум, 2000; Смирнов С.А. Человек перехода. Сборник научных трудов. – Новосибирск, НГУЭУ, 2005). Под философским атлетизмом я понимаю духовную практику философствования. После акта откровения (религиозной практики) наступает акт авторской мысли как рефлексии этого акта откровения. Без него опыт не фиксируется, не понимается, не становится опытом памяти, т.е. феноменом истории личности. А значит не становится он и предметом для третьей культурной практики, художественной, фиксирующей и оформляющей мысль в форму, т.е. в пойэму, в некое культурное художественное изделие. В этом плане искусство, философия и религия не могут жить друг без друга.

⁸ Категория эгонали используется также в театральной практике. Она описывает как движение актера по пространству сцены, так и движение его по логике роли, душевное развитие его героя.

⁹ См.: Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998; Хоружий С.С. Очерки синергийной антропологии. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.

¹⁰ Хоружий С.С. Очерки синергийной антропологии. – С. 87.

¹¹ Там же.

¹² Вариант описания такой практики автопоззиса я пытался описать на примере поэтики Осипа Мандельштама, Варлама Шаламова, Иосифа Бродского, Марины Цветаевой (см.: Смирнов С.А. Автопоззис человека: Осип Мандель-

штам // Человек. RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ. 2006. № 2; Смирнов С.А. Автопоззис человека: Варлам Шаламов // Человек. RU. Гуманитарный альманах. – Новосибирск: НГУЭУ. 2008. № 4).

¹³ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Ч. 2 // Символ. – Париж. 1992. № 28. – С. 167.

¹⁴ Такой дневник, разумеется, отличается от всеобщего сетевого поветрия по ведению «блогов», на фоне которого зомбированные «users» кричат «С нами блог!». Этот дневник не может быть сетевым. Он не в пет. Он в нетях.

¹⁵ Бибихин В.В. Другое начало. – СПб.: Наука, 2003. – С. 416.

¹⁶ Там же. – С. 423.

Аннотация

В статье показывается необходимость укоренения практики философствования и формирования словаря философии из онтологических оснований. Предлагается проект словаря антропологии перехода, состоящего из базовых концептуальных пар и базового каркаса понятий.

Ключевые слова: антропология, переход, словарь, вертикаль, горизонталь, эгональ перехода, картография перехода, антропоидный картоид.

Summary

The article shows the necessity of rooting the practice of philosophizing and the formation of a philosophical dictionary consisted of ontological grounds. There is proposed the project of the dictionary about the anthropology of transition that is consisted of basic concept pairs and basic frame of notions.

Keywords: anthropology, transition, vocabulary, vertical, horizontal, egonal, mapping of transition, anthropological cartography.